

НОВЫЕ ЗАПИСИ СКАЗОК «О ЦАРЕ САЛТАНЕ» И «О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ»

Н. МИТРОПОЛЬСКАЯ

Богатство сюжетов и образов русской волшебной сказки, ее судьба в современных условиях, традиционная поэтика волшебной сказки и устойчивость текста — выяснение этих и многих других вопросов сказковедения будет более научно достоверным и объективным, если исследование не ограничится записями сказок на территории РСФСР, а расширит географический охват сопоставительного материала за счет вариантов, бытующих в других республиках. Речь идет не о количественном увеличении областных гнезд бытования сказки, а о правомерном включении в географический атлас распространения русской сказки мест расселения русских поселенцев, расположенных островками на территориях различных национальных республик. Так будут учтены записи сказок, которые сохраняются в условиях билингвистической среды или островного фольклорного состояния.

В печати появляются отдельные работы, использующие экспедиционные материалы по национальным республикам¹. К этим записям проявляется научный интерес как к текстам, которые ценны прежде всего своим старинным характером. Так, И. Е. Карпухин останавливается на песнях, сохранивших старинные черты, в записях от русского населения, проживающего в Башкирской АССР².

Для решения теоретических вопросов в отдельных исследованиях использованы наблюдения над русским фольклором Урала и Поволжья. Так, Л. Г. Бараг исследует вопрос о взаимодействии русской и нерусской сказочных традиций в современных условиях, используя

¹ Г. Н. Курбатский. О русском фольклоре в Туве. Труды Кызыльского пед. инст., 1963, вып. 3. Тексты обрядовых и лирических песен; Р. А. Богомольная. О современном состоянии русского фольклора в Молдавии. — В кн. «Тезисы докладов и сообщений на республ. межвузовск. конференции литературоведов по актуальным вопросам современного литературоведения». Кишинев, 1963 и др.

² И. Е. Карпухин. Вопросы художественности в записях и изучении свадебных песен русского населения, проживающего в Баш. АССР. В кн. «Проблемы мастерства в изучении и преподавании художественной литературы». Тезисы докладов X конференции. МГПИ им. В. И. Ленина, М., 1967.

русские сказки, бытующие в тесном контакте с башкирскими, удмуртскими и татарскими³. Теоретические обобщения о жизни русской сказки в некоторых районах Прибалтики сформулированы Э. В. Померанцевой на основе изучения экспедиционных материалов, собранных на территории Латвийской ССР⁴.

Бытование русского фольклора на территории Литовской ССР не изучено. Имеются лишь две публикации единичных текстов⁵. С 1960 года в Вильнюсском государственном университете им. В. Капсукаса ежегодно ведется экспедиционная работа по собиранию русского фольклора. Уже накоплены и систематизированы большие фольклорные фонды, включающие в себя записи различных жанров, сделанные в старинных русских поселениях на территории Зарасайского, Игналинского, Аникшайского, Рокишского, Купишского, Швенчёнского районов Литовской ССР. Ранее эти места никем систематически и результативно не обследовались. Между тем среди местного русского населения наблюдается устойчивая фольклорная традиция, прочно укрепившаяся любовь к своему устному репертуару. Здесь есть свои песнохорки, свои песноводы (так называют исполнительниц и исполнителей народных песен), которые славятся в округе. Здесь живут исполнители сказок, остроумные частушечницы, любители вспомнить и рассказать пережитое и увиденное, люди, чуткие к звучному, образному слову, к меткой характеристике. В памяти здешних крестьян сохранились — и с чувством гордости за свое мастерство исполнялись — как волшебные, так, в особенности, многочисленные и разнообразные бытовые сказки. Характерно, что в экспедиционных материалах из Аникшайского района Литовской ССР есть запись сказки о старике, который никого не пускал на ночлег, — разве только тех, кто сказки может рассказывать. Этой любовью к слушанию сказок воспользовался герой — «бедный, нищий, премудрый человек» и получил ночлег и пищу, при этом хитростью уклонился от обещанного исполнения сказок. Сначала герой отговаривается: «— Да кто же это на пустой желудок сказки рассказывает! Старик горазд был до сказок. Покормил его, наполнил.— Говори

³ Л. Г. Баранг. О взаимодействии русской и нерусской сказочных традиций в современных условиях. В кн. «Современный русский фольклор». М., 1966.

⁴ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965.

⁵ Г. Ф. Нефедов. Новая запись сказки о царе Салтане. В кн. «Пушкин. Исследования и материалы», I, М.—Л., 1956; Образцы текстов русского говора в центральной части Литовской ССР. Записал и обраб. В. Н. Немченко. Науч. труды высших учебных заведений Литовской ССР, 1963. Языкознание, т. 8.

сказку! — Да что это ты, человек хороший! Кто же это сказки средь бела дня рассказывает? Это вечером, когда спать будем. Дед его на печь русскую положил, а сам на ляжушку лег. А ночью как вскошет премудрый, как заорет на весь катук: — Волки, волки! Полная катук волков! А-А-А —! Все вскочили, напугались, закричали. А премудрый смеется: «Вот я вас угостил сказкой, жадены етакие!»⁶

Мотив одаривания за исполнение сказок широко распространен: старик, иногда черт, дает герою огонь. Взамен требует рассказать небылицу, сказку⁷. Оригинальна наша запись импровизированной концовкой, которая показывает, что и вся сказка была исполнена к случаю — встрече с собирателями-любителями сказок. Ее исполнительница М. А. Гаврилова из деревни Поозерцы Аникшайского района закончила свою сказку насмешливой аналогией: «Так и с вами надо сделать. Больно уж вы сказки любите».

Волшебные сказки в новой записи ярко передают этические взгляды крестьянских масс на трудолюбие и честность, доброту, победу справедливости. В различных районах Литовской ССР записаны по несколько вариантов сказок «О Семи Симеонах», «О Машеньке и Медведе», «Морозко», «О Крошечке-Ховрошечке», «О Кощее Бессмертном», «О Братце и сестрице», «Одноглазка, Двуглазка, Трехглазка», «Про Липчика», «Хитрая наука» и многие другие. Композиционный тип сказок разнообразен, наблюдается соединение сюжетных ситуаций по сходному идейному замыслу. Некоторые местные варианты могут быть сопоставлены с литовскими сказками, что позволяет сделать интересные первоначальные наблюдения о жизни русской сказки в окружении другого национального фольклора. В этой связи прежде всего следует указать на взаимодействие антиклерикальных сатирических сказок. В записях 1964 года, например, имеется текст сказки, объединяющий сатирические персонажи русской и литовской антиклерикальной сказочной традиции. В ней объединено поведение ксендза и попа, которые получают одинаковую отрицательную оценку (сказка «Проделки ксендза и попа») ⁸. В волшебные сказки иногда вводятся персонажи литовской традиционной сказки. Чаще встречаются в записях номинативные литуанизмы типа: Шерюк — прозвище девушки, пасшей свиней и т. п.

1967.

⁶ Фольклорный архив кафедры Русской литературы ВГУ. Аникшай — 49.

⁷ См. Указатель сюжетов: 1920 х Д, х 1887, х 1912, х 1885, 190хВ.

В кн. А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», в 3-х томах, т. III, М., 1957, стр. 454.

1964

⁸ Фольклорный архив кафедры русской литературы ВГУ. Зарасай — 157.

Среди новых записей волшебных сказок, свидетельствующих о старой местной фольклорной традиции⁹, имеются варианты на «пушкинские» сказочные сюжеты. В материалах экспедиций подобные варианты встречаются не часто, а опубликованные ранее тексты при всем разнообразии уступают по количеству вариантов другим сюжетам.

Приведем данные из материалов трех советских экспедиций, принятых в середине 20-х — начале 40-х годов.

В 1927—1929 гг. В. И. Чернышевым записана сказка «О царе Салтане» в двух вариантах, сказка «О рыбаке и рыбке» в двух вариантах, сказка «О Мертвой царевне» в одном варианте. Названные тексты опубликованы в его книге «Сказки и легенды Пушкинских мест»¹⁰. В 1926—1928 годах во время экспедиции в три известнейших района бытования устной поэзии — в Заонежье, на Пинегу и на Мезень — известный фольклорист А. И. Никифоров также записал аналогичные сказки. Однако большинство из них, по примечаниям самого А. И. Никифорова, представляет собой схематичный, укороченный пересказ сюжетов. Поэтому при издании собрания А. И. Никифорова опубликованы только две записи. В Никифоровском собрании имеются четыре варианта сказки о царе Салтане, из них одна запись опубликована¹¹; два варианта сказки «Золотая рыбка», из них один текст опубликован¹² и один неопубликованный вариант сказки «Спящая красавица» (район Заснежья) с примечанием собирателя: краткая передача сказки «О Мертвой царевне» Пушкина. В материалах экспедиции 1942 года на Печору данные сюжеты не зафиксированы¹³.

Таким образом, интересно уже наличие среди записей, сделанных на территории Литовской ССР, нескольких вариантов сказок подобного типа. Сказка «О Мертвой царевне» записана в трех вариантах, сказка «О Царе Салтане» — в пяти, сказка «О Золотой рыбке» — в двух вариантах. Лишь отдельные из этих текстов свидетельствуют о знакомстве через книгу на каком-то этапе устной традиции с пушкинской сказкой. Местные записи расширяют сравнительный материал для изучения фольклоризации пушкинских сказок, их обратного вхождения в устную

⁹ Ср. данные материалов по обследованию сказочного материала русских районов Латвии, на основе которых делается вывод о полном исчезновении здесь сказочной традиции. Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, стр. 192.

¹⁰ В. И. Чернышев. Сказки и легенды Пушкинских мест. М.—Л., 1950.

¹¹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 319—327.

¹² Там же, стр. 327—328 (под заглавием «Чудесная птичка»).

¹³ Об этой экспедиции см. кн. В. Базанова «Поэзия Печоры». Сыктывкар, 1943.

традицию. Для наших исполнителей все эти сказки «не из книги», а перенимались «по народу», от родных, от «старого человека». Подобное отношение типично. Напомним эпизод из собирательской деятельности В. И. Чернышева в связи с его записью сказки «О рыбаке и рыбке». Сказочник «сначала сказал, что он знал эту сказку, да немного забыл попросит грамотную дочь напомнить. Я сказал, что мне не нужно сказки, которая есть в книге. Он меня совершенно не понял и заявил, что он «расскажет не по книге». На другой день он мне рассказал сказку по Пушкину, и я записал ее»¹⁴. При этом сказители свободно передают сюжет, дополняют или сокращают эпизоды, меняют детали. В наших записях в сказке типа «О золотой рыбке» — чудесная липка одаривает старика хлебом, женой; по совету ненасытной жены старик просит у липки превратить его в урядника, станового, царя, бога. Заканчивается сказка обращением жадных стариков в медведей¹⁵.

Пушкинские сказки характеризуются глубокой проникновенностью поэта в метод и стиль устной сказки, в мировоззрение и быт крестьянских масс¹⁶. Публикуемые записи из новых районов еще раз убеждают, что Пушкин поэтически обработал повсеместно распространенные, любимые сказочниками сюжеты. Эти варианты также имеют «свежие вымыслы народные», которые высоко ценил поэт¹⁷, и в свое время сам сделал известные записи народных сказок, услышанных в селе Михайловском¹⁸. Новые записи сказок «О царе Салтане» и сказки «О Мертвой царевне» сохраняют старинные черты устной традиции: яркий художественный вымысел и элементы крестьянского быта.

Анализ сказок, записанных в русских селах Литовской ССР, подтверждает общий вывод, который сформулирован исследовательницей Э. В. Померанцевой безотносительно к сюжетам сказок «О царе Салтане» и «О Мертвой царевне» и их местным вариантам. В книге «Судьбы русской сказки»¹⁹ утверждается устойчивость сказочной сюжетики

¹⁴ В. И. Чернышев. Пушкин и русские сказки. В кн. «Сказки и легенды Пушкинских мест». Цит. изд. стр. 285.

¹⁵ Фольклорный архив кафедры русской литературы ВГУ. 1964
Аникий 17.

¹⁶ Этот вопрос обстоятельно освещается в работах: М. К. Азадовский. История русской фольклористики. Учпедгиз. М., 1958; Г. А. Пелесов. О фольклорных основах «Сказок» А. С. Пушкина. — «Сов. этнография», 1950, № 4; С. Ф. Элеонский. Литература и народное творчество. М., 1956; И. П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей 1-ой половины XIX века. Петрозаводск, 1959 и др.

¹⁷ А. С. Пушкин. Сочинения в 6-ти томах, том 6. М.—Л., 1936, стр. 83.

¹⁸ Записи Пушкина. I. Записи сказок. Приложение. А. С. Пушкин. Соч. в 6-ти томах, т. 2, М.—Л., 1936, стр. 483—489.

¹⁹ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. Изд. «Наука», М., 1965.

и поэтики: «При всей своей вариативности народная сказка по существу поразительно стабильна, неизменяема в своей основе»²⁰.

В новых записях имеются близкие совпадения текста с эпизодами и художественными образами, записанными рукой Пушкина от его няни Арины Родионовны и других сказителей. Так, в записях устных сказок у Пушкина: обещания сестер «одним зерном государство накормить, одним куском сукна одеть и с первого года родить 33 сына, а 34-го «ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоке — месяц». В новых записях: «одной волокнинкой льна всю армию одеть (одной льнинкой одеть все войско царское и др.); одним зернышком всю армию накормить (по одной горошечке весь царский двор накормить и др.); родить 12 сыновей, „один сынишка — полсынишка, во лбу звезда, в потылице месяц, по локти руки в золоте и по колено ножки в серебре“ (три сына; 12 сынов, „тринадцатый — во лбу месяц ясный, вокруг головушки — частые звездочки“)». Мотив расправы у Пушкина: «заготовить две бочки; одну для 33-х царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном и бросить их в море». В новых записях: «Пустили одну бочку на запад, где одиннадцать, а другую, где мать с сыном, — на восход». У Пушкина описание одного из чудес: «за морем стоит гора и на горе два борова, боровы грызутся, а меж ними сыплет золото да серебро». В новых записях: «вокруг свинья ходит, сама пашет, хвостом сеет».

В записях Пушкина: царевич отыскивает своих братьев чудесным образом: «Нацеди ты, матушка, своего молока и замеси ты 30 лепешечек». Царевич спрятался; отведав лепешечки, братья признали свое родство и отправились к матери. В новых записях: «Матушка, матушка, почиркай из своей груди молока и замеси на этом молоке 12 лепешек». Царевич спрятался, а братья стали есть и говорить: «Матушкиным духом пахнет». Имеются и другие аналогии.

Между тем в новых записях наблюдается и стремление к замене сценки-диалога пересказом, осложнение побочными сюжетными линиями, новыми эпизодами, психологическими мотивировками, иногда вводятся городские фразеологизмы. В одной из записей сказок «О Мертвой царевне»²¹ обнаруживается влияние сатирической антипоповской сказки: вводится тема сластолюбивого попа, который клеветает отцу и хочет извести невинно гонимую девушку (замена типичного для дан-

²⁰ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 203.

²¹ Фольклорный архив кафедры русской литературы ВГУ.

ного сюжета образа злой мачехи). О пребывании героини в доме 12-ти братьев-богатырей священник узнает от чернокнижника, потом от колдуньи, которые с помощью чудесных предметов усыпляют героиню. Кончается сказка осмеянием попа, расправой над ним и счастливой свадьбой-пиром.

Таким образом, новые записи ²², с одной стороны, показывают бережное сохранение мотивов и образов сказки, верность народным критериям добра и зла, оптимистическую веру в победу всего справедливого и доброго, что сближает их с вариантами, записи которых отделены друг от друга более чем столетием.

С другой стороны, реализация художественного замысла сказки ведется с нарушением традиционной сказочной обрядности, иногда волшебной сказке придается излишняя прозаичность и нарушающая художественный вымысел современная городская фразеология: царевич растет по секундам, кольцо на руке спящей красавицы обнаруживают доктора на рентгене, хотя подобные примеры и не столь часто встречаются в новых вариантах. Такие наблюдения можно сделать о современном состоянии волшебной сказки в условиях островного бытования русского фольклора на территории Литовской ССР на материале так называемых пушкинских сюжетов.

Май, 1968

Вильнюсский гос. университет
им. В. Капсукаса

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сказка

Было у одного отца семь дочек. Пошли в баню мыться. Ехал мимо царь.— «Давай подслушаем, что девушки говорят». Одна девушка говорит: «Одной льинкой одела бы все войско царское, если б была царицей». Другая говорит... (пропуск в записи). Другая говорит: «Если б я была царицей, я б родила 12 сынов: волос к волосу, голос к голосу, а тринадцатый — во лбу месяц ясный, вокруг головушки частые звездочки». Решил царь взять ее в жены. В это время шла война. Поехал царь на войну. Пришло письмо от царя. Принесли письмо к сестрам женки. Одна взяла и написала другое письмо: «Когда родятся дети, топите их, возьмите щенят, а младшего с матерью — в бочку и в море».

²² В записи сказок принимали участие студенты отделения русского языка и литературы ВГУ им. В. Капсукаса: А. Янковская, С. Кущенко, Ю. Архипова, Г. Авнилова.

Пустили бочку в море. А младший сын растет не по дням, не по часам, а по секундам. Вырос, что уже бочку распирает. И говорит он: «Была бы буря сейчас, разбила бы бочку, вынесла б нас на берег». Началась буря, вынесла их на берег. Кругом густой лес стоит: пуща-дреमुша, ни пройти, ни проехать, ни птице пролететь. Стал сын строить избушку. Идет нищий, видит — стоит избушка на курьих ножках, на бычьих рожках, молодая вдова сидит и сын с ней. У сына во лбу ясный месяц, вокруг головушки — звезды частые. Говорит сын матушке: «Матушка, матушка, благослови меня, полечу я к батюшке, может быть что-нибудь говорить про нас будет». Стал мухой и полетел. Приходит нищий к царю, царь спрашивает: «Может быть видел бочку на море?» — «Не видел, а видел я избушку на курьих ножках, на бычьих рожках. Молодая вдова сидит с сыном, у сына во лбу месяц ясный, вокруг головушки — частые звездочки». Сказала одна сестра: «Разве это чудо? У моего отца свинья сама пашет, хвостом сеет». Улетела муха, ушел нищий.

Второй раз приходит к царю нищий. Спрашивает царь: «Не видел ли бочку на море?» — «Не видел такого чуда, я видел луг, стоит там избушка на курьих ножках, на бычачьих рожках. Сидит там молодая вдова с сыном. У сына во лбу месяц ясный, вокруг головушки — частые звездочки. Вокруг свинья ходит, сама пашет, хвостом сеет». Говорит одна из сестер: «У отца моего кобыла с 12-ю жеребцами, один другого лучше. Вот это чудо!»

Приходит нищий третий раз к царю.

Царь опять его спрашивает: «Не видел ли ты бочку в море?» — «Не видел такого чуда, я видел луг, стоит там избушка на курьих ножках, на бычьих рожках. Сидит там молодая вдова с сыном. У сына во лбу месяц ясный, вокруг головушки — частые звездочки. Вокруг свинья ходит, сама пашет, хвостом сеет. Есть там кобыла с 12-ю жеребцами, один другого лучше». Одна из сестер и говорит: «Разве это чудо? У моего отца 12 молодцев. Один другого лучше. Вот это чудо!»

Приходит нищий четвертый раз к царю. Царь опять его спрашивает: «Ты не видел ли бочки на море?» — «Не видел такого чуда. Я видел луг, стоит там избушка на курьих ножках, на бычьих рожках. Сидит там молодая вдова с сыном. У сына во лбу ясный месяц, вокруг головушки частые звездочки. Вокруг свинья ходит, сама пашет, хвостом сеет. Есть там кобыла с 12-ю жеребцами, один другого лучше. Видел я 12 молодцев, один другого лучше. Вот это чудо!» — «Это мои сыновья», — подумал царь. Приказал царь сделать дорожку красного бархата до этой избушки. Ударился сын о землю, полотна сколько надо

сразу появилось, к дворцу дорожку сделали. Узнал царь свою жену и молодого сына. Старую женку сничтожил, остался с этой жить. И был там пир, и я там был, мед, пиво пил. По усам текло, в рот не попало. Дали мне борону, с горы тянул, под косогор шмырганул, дали помело, я побег по селу».

*Записано от Петрова Ерофея Никифоровича, 63 года.
Кимбортишкис Зарасайского района, 11 июля 1967 г.*

Сказка про трех сестер и про Ивана Царевича

Жили были три сестры, а у старого мужика три дочки. Однажды пошли в баню лен мять.

Старшая сестра говорит: «Вот, если бы я вышла замуж за красивого царя — за Ивана Царевича, — я из одного льна наткала б одежды столько, что на весь царский двор хватило бы».

Средняя сестра говорит: «Если бы я вышла замуж за Ивана Царевича, я бы по одной горошечке весь царский двор накормила».

Самая младшая сестра говорит: «Я Ивану Царевичу три сына родила бы. У них в потоплице месяц, а во лбу — солнышко, а ровно в локоть — золото».

А Иван Царевич стоял за баней и слышал весь этот разговор. Посватался Иван Царевич самой младшей сестре. Иван Царевич сразу после свадьбы уехал в далекие страны на войну.

Жена, как обещала, родила сына: в потоплице — месяц, во лбу — солнышко, а в локоть — золото. Узнала об этом старшая сестра и стала думать, как отомстить младшей за ее счастье. Ведь старшую сестру Иван Царевич не взял в жены, а сделал ее домашней ткачихой.

После родов жена Ивана Царевича послала гонца с письмом к Ивану Царевичу о рождении сына. По пути гонец зашел к старшей сестре. Старшая сестра и говорит:

— «Отдохни, добрый человек. Я протоплю баню. Ты помойся». Когда гонец мылся, она переписала письмо Ивану Царевичу, а письмо сестры уничтожила. Приносит гонец письмо Ивану Царевичу. Там написано: его жена родила сына похожего не на ребенка, а на лягушку. Иван Царевич в ответ написал, чтобы жена его ждала и растила ребенка, какой он есть, до его возвращения.

Гонец поехал домой, зашел опять к старшей сестре. Опять сестра истопила баню и пока гонец мылся в бане, она переписала письмо Ивана Царевича: «Чтоб до моего приезда не было ребенка. Девай куда хочешь».

Гонец приносит письмо. Младшая сестра прочитала. Она забеспокоилась, куда деть ребенка. Посоветовавшись со слугами царского дворца, решила сделать так: в бочку положили ребенка, забили гвоздями и бочку пустили на дно моря. В море он рос не по дням, а по часам. Наконец он вырвался из бочки, выплыл в море и поселился жить на одном красивом острове. Приехал царь Иван Царевич, не нашел ребенка. Он опять уехал на войну через некоторое время. Она родила второго точно такого, как и первого, ребенка. Опять она посылает гонца с письмом к Ивану Царевичу. Опять гонец ночевал у старшей сестры, опять она получает такой ответ, как переписала старшая сестра. Опять ребенка пустили в бочке ко дну моря. Опять он рос так быстро, как и его брат, выплыл в море и также поселился на том же самом острове, где жил его брат.

Опять приехал домой Иван Царевич, опять не нашел и второго ребенка. Он опять уехал воевать. Через некоторое время жена родила и третьего сына. Также послала гонца к Ивану Царевичу, с таким же ответом вернулся гонец. Тогда она сказала закрыть в бочке ее с сыном и пустить на дно моря. Так было и сделано. И третий сын вырос так быстро, он вышел из бочки, с матерью выплыл в море, приплыл к острову, где жили его два брата и все четвером поселились на острове.

Вернулся наконец-то с войны Иван Царевич. Не нашел ни своей жены, ни детей. Тогда он посватался к старшей сестре и взял ее замуж.

Во время свадьбы вернулась младшая сестра, первая жена Ивана Царевича со своими сыновьями. Увидев свою жену и своих сыновей, взрослых богатырей, Иван Царевич прогнал старшую сестру. А со своей женой и сыновьями стал жить.

Люди говорят, что Иван Царевич до сих пор благополучно и счастливо живет со своей женой и детьми. А вот на снегу, зимой, где звездочки лежат, то люди говорят, что это косточки старшей сестры-обманщицы лежат.

*Записано от Трубкиной Вассы Кузьминичны, 64 года.
Деревня Изабелине, Игналинского района. 12 июля 1966 г.*

Сказка

Жил один царь и другой царь. У одного царя было три дочки, а у другого — Иван Царевич. А Иван Царевич пошел в сватки к этим дочкам и стоит под дверями. Одна и говорит: «Чтоб меня взял Иван

Царевич, я бы одной волокнинкой льна всю армию одела». А другая говорит: «А я бы одним зернышком всю армию накормила». А третья, самая младшая, сказала: «Коль меня возьмет, рожу ему 12 сынов». Один сынишка — полсынишка, во лбу звезда, в потылице месяц, по локти руки в золоте и по колено ножки в серебре». Ну, а он слушал и решил взять младшую. А эти сестры рассердились горазд, что он взял эту. Потом, как они поженились, началась война. Ну, и царь поехал на войну, и приказал он чтоб уж за ней горазд ухаживали, и что будет, ему чтоб письмо прислали, что найдется. Ну яна и родила, и родители рады, что она справдила, как сказала. Ну, и тогда они уже написали письмо и послали посланца с письмом. А этот посланец зашел отдохнуть, как раз попал к этим сестрам и рассказал им, и они горазд недовольны, что правда случилось так. Они говорят: «Ты с дороги, сходи в байню, отдохнешь и пойдешь». А они это письмо брали, прочитали и написали другое. Написали: «Как ваша жена родила, как какие звери есть на свете, так каждого по зверюшке. А в нашем дворце писк, визг». Ну, он понес. Иван Царевич читает и удивляется, как это может быть. И он написал письмо, чтобы до его приезде никто-никуда. Ну, ён, зашел опять к ним, они опять вытопили байню и выбрали письмо и написали: «Чтобы до моего приезде их не было». И ён ходил три раза туда, и все так, и уже 3 раза пошел и они переняли и написали: «Если до моего приезда никуда не денете, я вас всех решу». Ну, яны уже остатний раз как приехал он, стали плакать. Плакали, плакали — сбили две бочки и этих одиннадцать в одну бочку, а этого одного с матерью — в другую. А он рос не по дням, али по часам. А он был большой умник. Наклали они всякого кушанья туда, пустили одну бочку на запад, где одиннадцать, а другую, где мать с сыном — на восход. Ну, и тогда они плывут, плывут. И ничего не видно: синее море и синее небо и все. И этот мальчик говорит:

«По материному рождению, по отцову благословению, по божьему велению, что эта бочечка на берега». Мать говорит: «Ну, сынок, когда же она выйдет на берег, ничего не видать, сине-сине и ничего не видно, ни берегу, ничего. А сынок говорит: «Ну вот, мамаша, молись богу и ложись спать. Утро мудренее вечера». И яны встают утром, и бочечка у них на бережку уже лежит, и лес какой-то видно. Она говорит: «Ну, как бы теперь нам, чтобы бочечка развалилася. Вся скована обручами, смолой позалитая». Ну, а сын говорит: «Мамаша, молись богу, ложись спать. Утро мудренее вечера». Утром встают — на досочках лежат. Ну, а потом опять ложатся спать, он говорит: «Тут теперь лес-

бударь, а чтобы стал бы город-Бударь». Она говорит: «Кто же его построит. Ничего нет: ни людей, ни пил, ни топоров. Кто же его построит?» А он говорит: «По материному рождению, по отцову благословию, по божьему велению чтобы был тут не лес-бударь, а город-Бударь». Ну, так и было. И стал город-Бударь, и все, и машины едут. И он вошел в город, и их гораздо хорошо приняли, что он рассказал, что царев сын. Ну, и потом он вышел коло моря там походить коло его. И едут корабельщики. Он вышел и стал кричать: «Корабельщики, корабельщики, добрые молодцы! Просим в наш город гулять. А не будете гулять — будете смертью погибать». Тогда яны приехали в город и говорят: «Чем нам смертью погибать, лучше в городе погулять». Там яны пили, гуляли, и им гораздо чудно было, что раньше ездили был лес-бударь, а теперь город-Бударь. Ну, и он сказал уже: «Передай привет Ивану Царевичу и пусть он приедет в наш город навестить». Яны поехали. А он птушкой обернулся и за ними полетел. Ну и так под окно на рамочку сел и слушает. А Иван Царевич спрашивает. «Что за морем слышно?» А они говорят: «Был лес-бударь, а теперь город-Бзарь». А Иван Царевич говорит: «Поеду обязательно». А тетки стали его отговаривать: «Не езд. Вот есть такой город, там одна свинья носом орет, а хвостом боронует, а под хвоста пшено сеет». И там все в один час делают и сеют, и орут и боронуют, и косят, и сушат, и мелют, и пекут, и людям делят пиром». Не поехал Иван-Царевич. А он прилетел назад и обратно пошел у моря побродить. Опять плывут корабельщики. А он зовет: «Корабельщики, корабельщики, добрые молодцы! Просим в наш город гулять. А не будете гулять — будете смертью погибать». Они и заехали. В этом городе посмотрели, свинья эта есть. Он их отпустил и говорит: «Ну, кланяйтесь Ивану-Царевичу, пуская приедет в наш город обязательно». А сам обернулся птушкой и полетел. Ну, приехали они, и пытаются их: «Что там за морем слышно?». А они рассказывают: «За морем слышно гораздо чудно. Как вы сказывали про свинью, так она и правда там есть». Ну, Иван Царевич собирается ехать, а тетки отговаривают: «Поспеешь, съездишь в этот город. А вот есть город, так есть кот-самолет, вверх летит — песни поет, а вниз летит — сказки говорит». Он повернулся и полетел домой. Ну, мать и пытается: «Ну, как, приедет Иван Царевич?» А сын говорит: «Нет, тетенька не пускает». Ложатся спать, а он и говорит: «По матушкиному рождению, по батюшкину благословию, по божьему велению будет кот-самолет». Встали — уж кот в городе.

«Ну, теперь,—говорит,—наверно, приедет папаша». Ну, и пошел коло моря побродить. Плывут корабельщики. Он им кричит: «Корабельщики, корабельщики, добрые молодцы! Просим в наш город гулять. А не будете гулять — будете смертью погибать». Приехали они, пили, гуляли. «Ну, теперь, говорят, Иван Царевич приедет». Опять обернулся птушкой и полетел и думает: «Приедет папашка». Приехали корабельщики, Иван Царевич пытается: «Какие новости за морем?» Они рассказывают: «Все там есть: и кот, и свинья, и много всего». Собирается Иван-Царевич ехать, а сестры его отговаривают: «Ну, успеешь еще туда съездить. А вот в одном городе есть сад, а в том саду яблоня — серебряные листики, золотые яблочки и шелковая травка. Идет речка — речка медовая». Ну, и тогда он видит,—уже отговорили, и назад полетел. Прилетел, мать и спрашивает: «Ну, теперь приедет папашка?» А он ей и рассказывает про яблоню, и говорит: «Вот бы нам такую яблоню». Мать его уже и ругает: «Ну, где же ты все приобретешь?» А он отвечает: «Молись богу, ложись спать. Утро мудренее вечера». Утром встают — уже эта яблоня у них. Приехали корабельщики, пили, ели, удивлялись: тут и кот, и свинья, и сад с яблоней.— «Ну теперь будем, говорят, просить, чтобы приехал Иван Царевич». Уехали они. Ну, он обернулся и полетел птушкой с ними рядом. Рассказали они Ивану Царевичу все, как есть. Ну, он тогда и говорит, что поеду. А тетка ему говорит: «Есть такая векша, она орешки грызет не простые, а скорлупки золотые. Ей клетка сделана хрустальная, коло ей поставлены стражники, 12 молодцев, и все одинаковы, как на подбор и с ними дядька Черномор». Ну, и не поехал. Он прилетел, говорит матери: «Надо братьев поискать». «Мама, почиркай из своих грудей молока и замеси на этом молоке 12 лепешек». Она говорит: «Где же я тебе молока возьму, я столько лет не кормлю». Ну, он говорит: «По матушкиному рождению, по батюшкиному благословиению, по божьему велению, чтоб было молоко». Ну, стала она чиркать и начиркала стакан молока и замесила лепешек. Он пошел в дорогу, она его благословила. Ему так дал бог, и он скоро их нашел. Только вышел, вошел в лес и спрашивает: «Где одиннадцать рабочих работают?». Ему показали, где они живут. Он пришел, кокорки вынул все 12 и положил на стол, а сам спрятался. И эти пришли рабочие и говорят: «Что это у нас такое, кто это у нас был?» Один говорит: «Надо покушать, что за лепешки?» Разломил и одну покушал, говорит: «Матушкиным духом пахнет». Тогда и все стали есть и говорить: «Матушкиным духом пахнет». И все говорят: «У нас кто-то есть». И стали искать и нашли. А они все были

на одно лицо, на мать похожи. И ен им рассказал, как они живут, и как все случилось. И говорят: «Как-нибудь нам отца притянуть сюда». Ну, они пошли с ним с большой радостью, зная, в царство идут. Ну, и тогда приведен их к матери. Они и плакали, и здоровались. И одели их горазд красиво. И ен говорит: «Пойдем сейчас к морю глядеть, кораб поедет. Ну, заехали к ним корабельщики. И очень удивлялись и говорят: «Ну, если теперь не поедет, сами поедем и заберем его». Уехали они. А он за ними птушкой полетел и следит. Иван Царевич говорит: «Что за морем слышно?». Корабельщики говорят: «Большое чудо. Есть эти 12 молодцев, что векшу сторожат и с ними дядька Черномор. А еще 12 все на одно лицо. И кот, и свинья, и векша», Иван Царевич сказал: «Ну, теперь уже поеду». Тетки просили-просили: «Не едь, не едь». Но он все равно поехал. И когда приехал, они так плакали, плакали, плакали. А мать ослабла. Ну, его привели эти двенадцать, что векшу сторожили. И он жену узнал, и они все перед ним на колени стали. И он тоже ослабел от радости и от жалости. И они как рассказали ему, как в бочке были, как горевали, как в лесу работали и тогда он так с ними уже побеседовал, и все обглядели. Ну, говорит: «Я поеду уже к этим сестрам». А одна уже была его жена. И он посмолил коней и говорит сестрам: «Ударьте по коням». Они ударили и приклеились и разорвали их на кусочки. И я там была, пиво пила и гуляла разом.

*Записано от Антиповой Марии Лазоревны, 83 года.
Деревня Мединяй, Аниксийский район, 26 июня 1964 года.*

Сказка

Было такое время, жили муж со своей женой и была у них дочка. Но вот жена умерла, муж женился другой раз. И эта женщина невзлюбила девочку, упросила старика завести девочку в лес. Отец так и сделал, завел девочку в лес. Он ей говорит: «Ты собирай ягодки, а я буду дрова рубить». Привязал побойню, ветер стук-стук, а девочке кажется, что это отец дрова рубит. Пришла девочка к дереву, увидела, что отца нет и стала плакать.

Ходила она, ходила по лесу и пришла на огонек к домику. А там жили двенадцать разбойников. Вместе с ними жила сучка, которая все время спала. Девочка в домике все прибрала, подмела, покормила сучку.

Приезжают разбойники, увидели, что все прибрано, и говорят: «Кто у нас был, отзовись, будешь нам за сестру или невестой, а, если старая — матерью». Но не вышла она, не отозвалась.

Уехали опять разбойники. А она опять все сделала, белье постирала, сучку накормила. Просили ее, просили выйти, а она не вышла, боится. Но вытянули они все-таки. А она оказалась девушкой очень красивой. Они спрашивают: «Кто ты будешь такая?» Она им и рассказала все о своей жизни. Купили они ей кольца, платья, платки красивые и все такое — богатые ведь люди эти разбойники были.

Ну и прознала ейная мачеха, что очень уж хорошо живется падчерице. Приехала, повздравиствовалась, привезла платочек, заставляет одеть. А мачеха была колдуньей. Одеда она платочек и померла.

Ну приехали разбойники, обмыли ее и решили хоронить. Стали снимать платочек, а она «скок» — и встала.

Приехала другой раз мачеха.

«Дочурка, я тебе привезла гораздо дорогие чулочки. Вот, надень, надень». Одеда она чулочки и опять умерла. Приходят братья, а сестрица опять лежит умершая. Один чулок одет, стали они снимать чулочек, чтобы обмыть ее, а она «скок» — и встала.

Приезжает опять мачеха, привезла кольцо. Одеда она золотое колечко и упала опять умершая.

Приезжают братья, раздели ее, а колечко не заметили. Похоронили ее в хрустальном гробу. Нарядили ее в шелка, положили ее в хрустальный гроб, выточили четыре столба и повесили на шелковых петлях, а себя разбойники позастреляли, очень уж они любили сестричку. И едет через то место Иван-Царевич, смотрит — раньше здесь ничего не было, а теперь гораздо украшено. Подъехали они на гору, посмотрели, а тут девушка лежит как живая — очень большая красавица.

Иван Царевич говорит: «Надо девушку взять, я ее не оставлю». Ну, взяли этот гроб. Привез его Иван Царевич в свою комнату. Посмотрел, заплакал. Жалко ему такой красавицы. Выходит из комнаты, плача. Сестры и мать удивляются, чего он ходит заплаканный, что такое есть.

Пошел он тогда в баню. Они подпильновали, где ключ от его комнаты, хотели посмотреть. Посмотрев, испугались, что в гробу лежит девушка умершая. Они подумали: «А на что же ей колечко золотое». Первая сестра сняла колечко. А девушка «скок» — и вскочила.

— «Ах, братцы, как я долго спала». А здесь не братья. Иван Царевич идет и все хрестится, чтобы эта девушка была его женой. Вышли

они во двор, а Иван Царевич, увидев ее так был рад, так рад, что она ожила.

Поженились они и стали жить счастливо в любви и согласии.

*Записано от Антиповой Марии Лазоревны, 83 года.
Деревня Мединяй, Аникицкийского района, 25 июня 1964 г.*

Сказка

Жил был в одной стране царь. Жена у него давным-давно умерла. Осталась у него дочь. Она подрастала и с каждым днем становилась все милее и краше.

Царь тем временем женился. Жена его была красивая, но очень злая. В приданое с собой она принесла волшебное зеркальце. Часто она брала зеркало и спрашивала:

*Зеркальце, зеркальце,
Дай мне ответ,
Кто краше всех на свете?*

Зеркальце отвечало:

*Есть девица-красавица,
Но краше тебя нет.*

Проходили дни, недели. Однажды царица взяла зеркало и спросила:

*Зеркальце, зеркальце,
Дай мне ответ,
Кто краше на свете?*

И зеркальце ответило:

*Есть девица-красавица,
Но одна есть краше тебя,
То падчерица твоя.*

Рассердилась царица на зеркало. Но нечего делать. Решила она падчерицу уморить.

Пошла она к молодой царевне. Подарила она ей ленточку и сама завязала на руку. Царевне в тот же миг захотелось спать. Она уснула и не просыпалась. Все решили, что царевна умерла. Решили ее хоронить. Служанки начали ее мыть и отвязали ленточку. Царевна открыла глаза и сказала: «Ой, как я долго спала».

Все обрадовались, что царевна жива, только одна злая царица не знает, что девушка жива.

Взяла она зеркало и спрашивает:

*Зеркальце, зеркальце,
Дай мне ответ,
Кто краше всех на свете?*

Зеркало отвечает:

*Ты девица-красавица,
Но одна есть краше тебя,
Это твоя падчерица*

Рассердилась царица и решила уморить царевну. Подарила она молодой царевне крестик. Царевна надела на шею и умерла. Все оплакивают, а царица радуется, что ее соперница умерла. Начали царевну мыть и сняли крестик со шеи. Царевна ожила. Няньки радуются, целуют царевну, а мачеха ничего не знает.

Спрашивает она зеркало:

*Зеркальце, зеркальце,
Дай мне ответ,
Кто краше меня на свете?*

Зеркало ей отвечает, что краше ее царевна молодая. Царица очень рассердилась. Подарила она падчерице колечко золотое. Как только царевна надела колечко на палец — и умерла. Начали ее мыть, но кольца не снимают. Не встала царевна. Все долго плакали. Отец решил сделать ей стеклянный гроб и повесить в лесу. Так жалко было такую красавицу в землю класть.

Вывезли царевну в лес, и привязали к деревьям гроб. Ехал однажды молодой царевич на охоту. Видит что-то блеснуло между листвой. Подъезжает и видит гроб, а в гробу молодую девушку. Лежит она, красавица, будто живая. Полюбил царевич девушку. Увидел колечко на пальце и решил взять на память. Как только снял с пальца кольцо, царевна открыла глаза и промолвила:

«Ох, как я долго спала».

Посадил ее царевич на своего коня и привез ее к отцу. Отец обрадовался, а злая царица умерла со злости.

Царь отдал дочь за молодого царевича и устроил пир на весь мир. Все веселились и пировали три дня. И никто не вспомнил про злую царицу.

*Записано от Метушовой Прасковьи Филатьевны, 58 лет.
Игналина, 6 июля 1966 г.*

NAUJAI UŽRAŠYTOS PASAKOS „APIE CARĄ SALTANĄ“ IR „APIE MIRUSIĄ CARAITĘ“

N. MITROPOLSKAJA

R e z i u m ė

Daugelio folkloristikos problemų, tame tarpe ir vienos iš sudėtingiausių — rusų tradicinės pasakos dabartinė būklė — išaiškinimas tik tada bus moksliskas ir objektyvus, jei neapsiribosime pasakomis, užrašytomis vien RTFSR teritorijoje, bet išplėsime tiriamosios medžiagos geografinę apimtį variantais, egzistuojančiais ir kitose nacionalinėse respublikose.

Folklorinė medžiaga, surinkta tose Lietuvos TSR vietose, kur gyvena rusų senbuviai, ypač Zarasų, Ignalinos, Anykščių rajonuose, atskleidžia daug įdomių faktų apie pasakos vystymąsi kitoje bilingvistinėje aplinkoje. Rusų folkloro padėtis kitos nacionalinės respublikos teritorijoje įgalina išlikti ir kūrybiškai išvystyti pasakose įdomius motyvus bei detales. Pasakų tekstai („Apie carą Sultaną“ ir „Apie mirusią caraitę“), paskelbti straipsnio priede, buvo paimti iš gausaus stebuklinių pasakų repertuaro, užrašyto iš vietinių rusų senbuvų. Jie įdomūs kaip „ikipuškiniški“ siužetai, kurie žinomi kaip palyginti negausūs žodiniai variantai, ir kaip nauji pasakų užrašymai tuose rajonuose, kurie anksčiau buvo netyrinėti.

FAIRY-TALES “ABOUT CZAR-SALTAN” AND “ABOUT DEAD CZAREVNA” RECORDED ANEW

N. MITROPOLSKAJA

S u m m a r y

A scientific and objective explanation of many folklore problems including one of the most complex problem the present state of the traditional Russian fairy-tale — can be given only if not limiting oneself to fairy-tales recorded in the territory of the U. S. S. R. but expanding the geographic volume of the material under investigation at the expense of the variants existing in other national republics.

The folk-lore material gathered in the places of the Lithuanian S. S. R. inhabited by Russian natives especially in the districts of Zarasai, Ignalina, Anykščiai, reveals many interesting facts about the development of fairy-tales in different bilingual surroundings.

The state of the Russian folk-lore in the territory of a national republic makes it possible to maintain and develop interesting motifs and details of fairy-tales. The fairy-tales ("About Czar-saltan" and "About Dead Czarevna") published in the appendix of the present article were chosen from the wide repertoire of magic tales recorded from local Russian natives. They are interesting as "pre-Pushkin" plots known in oral variants comparatively little and as new records of fairy-tales in districts earlier not investigated.